

Литературное пространство

Владимир КОРОВИН

ВОСПОМИНАНИЯ КОМБАТА

Незабудки

Было в доме родном и просторно,
и звонко,
И сирень за окошком когда-то цвела.
Обойди бы его стороной похоронка,
До сих пор бы, наверное, мама жила.

Где я только не жил и где только
я не был!..
Но все тянет туда,
где под скромным крестом
Незабудки блестят, как осколочки неба,
Разнесённого вдребезги
в сорок втором.

Воспоминание комбата

Горит и гибнет Сталинград.
Держать пытается равненье
Шеренга худеньких ребят –
Я принимаю пополненье.

Им завтра в бой. Плохая весть.
На жизнь здесь цены бросовы.
Средь них Эйнштейны, может, есть.
А мне нужны – Матросовы.

* * *

На солнце греется земля
Простёрты неоглядно
Не Елисейские поля –
Колхозные, понятно.

И сельский двор – не ресторан,
И улица – не Невский,
Но всё же держит свой стакан
Иван по-королевски.

Блестит гранёное стекло,
Не греет плеч фуфайка,

И служит меркой для него
Наркомовская пайка.

Она ему ни ром, ни шнапс,
Ни повод для банкета,
Она порой нужна как шанс,
Как диск боекомплекта.

За чьих сынов, за чьих мужей
Глотал он пайку эту
С землёй с накатов блиндажей
И с верою в победу,

А сколько раз она была
Надеждой на спасенье
Последней капелькой тепла
В простуженной траншее.

Он пьёт за тех, кто полыхал
На Зеловских высотах,
За тех, кто в лёд живьём вмерзал
В Синявинских болотах.

За тех, кто пал, не вскинув рук,
В песок, в полынь, в осоку,
Кто навсегда задраил люк
Ещё у Белостока.

Он пьёт за выживших в аду
Последнего сраженья,
Кто до сих пор в ночном бреду
Идёт из окруженья.

Он пьёт за Вязьму, Халкин-Гол,
Он пьёт за сорок первый,
А может, просто у него
Не выдержали нервы.

Он мог не выдержать, устать,
А может и раскиснуть.
Не просто всё-таки шагать
На костылях по жизни.

Владимир КОРОВИН. Родился в 1940 г. Отец погиб на фронте. Окончил МИФИ. Пятьдесят лет проработал в ядерном оружейном комплексе. Живёт в Озёрске. Член Союза писателей России.

Шагать, когда в его виски
Шаги стучатся тупо,
Когда живые позвонки
Скребёт железо Круппа,

Когда на школьный косогор,
Засыпанный бураном,
Идти не проще, чем на склон
Мамаева кургана.

Устали даже костыли,
Они скрипят и стонут,
Скользят предательски в дожди,
Зимой в сугробах тонут.

Теперь тропинка в сто шагов
Ему проблемой стала,
А в тридцать лет шагам его
Москва салютовала.

Пред ним равняли фронт штабы,
Вгрызалась в грунт пехота,
Подмяв полмира, на дыбы
Вставали танки Гота.

Но это всё уже вдали...
А завтра спозаранку
Привычно скрипнут костыли
Как рычаги у танка.

И зачарует красота
Весеннего рассвета,
И бесконечность до щита,
Точнее – до лафета

И будет легкая вуаль
Тумана над рекою,
Страны космическая даль,
Как прежде, за спиною.

Но это завтра, а пока
За радости и беды
Он пьёт ещё в который раз –
Сегодня день Победы.

Как шёлк знамён шумит листва
Вселенскому обнову,
И вновь даёт салют Москва
Полковнику Петрову.

В детском парке

Шумит листва позёмкой под ногами,
Молчит земля под пологом дождей,
А в детском парке вешними ручьями
Звенит задорный лепет малышей.

А в детском парке женщина седая,
В её глазах туманится закат.
Листва берёз редеет, умирая,
Шуршит, как плащпалатки у солдат.

Здесь сосны вековые, словно свечи,
И небо золотится, как алтарь.
Как тень беды, на высохшие плечи
Легла уже негреющая шаль.

Как зябнут руки, хоть и не устали
Дарить тепло, ни капли не храня!
В них стыла кровь –
на плачущем вокзале,
Когда их с плеч срывали сыновья.

И никогда ни правнуки, ни внуки
Старушку не разбудят по ночам...
И ноют, ноют немощные руки,
И тянутся к мальчишеским вихрам.

* * *

Идут года. Все реже, реже встречи...
Над кем-то стыннут мрамор и броня.
Идут года, и все слабее плечи,
Что вынесли планету из огня.

И на висках сильнее искрится иней
Уже давно изгнивших блиндажей,
И как-то глубже врезались морщины
Траншеями несданных рубежей.

А на душе тревога и бессилье,
Закат в полнеба крылья распластал.
И за спиной – совсем не та Россия,
Которую ты в юности спасал.

* * *

Это – нонсенс, ни меньше, ни больше.
Я и сам ничего не пойму –
Лейтенантик танцует с партнёршей,
Что в прабабки годится ему.

Зал светлеет, он – словно опушка,
И колонны – как сказочный лес,
И танцует, танцует старушка.
Этот мир ещё полон чудес.

Её юбка легка и крылата,
Её блузка предельно проста,
И рука – на плече лейтенанта,
И причёска бела, как фата.

Но слезинки блестят на ресницах,
Угасая и снова горя,
Может, на лейтенантских петлицах
Ей привиделись два кубаря.